

проф. Александр Васильевич Попов

**Взаимные отношения христианских и
языческих элементов в народном
миросозерцании**

профессор Алексей Васильевич Попов

Речь перед публичной защитой сочинения: «Влияние церковного учения в древнерусской духовной письменности на миросозерцание русского народа и в частности на народную словесность в древний допетровский период».

В своем исследовании, как показывает и самое название его, мы остановились на вопросе о влиянии церковного учения и древнерусской духовной письменности на миросозерцание русского народа и народную словесность, в древний допетровский период.

Вопрос широкий и благодарный для исследования, хотя, нужно добавить, и далеко не легкий. Много уже сделано учеными по изучению народного мировоззрения и народной словесности вообще и их отношения к христианству и допетровской духовной письменности в частности, но еще более, быть может, и остается сделать в будущем. Почва исследователя по данному предмету чрезвычайно скользкая и малоустойчивая – дает много места для ученой борьбы. Взгляды ученых, работавших в данной, области, не только расходятся между собою в выводах по сложным вопросам, но и в мелочах. Целую литературу найдем о каком-нибудь камне алатыре или Волоте Волотовиче, встречающемся в стихе о голубиной книге.

По занимавшему нас вопросу о влиянии христианства на миросозерцание русского народа и народную словесность существует целый ряд самых разнообразных взглядов. Афанасьев, под влиянием своей национально-мифической теории, находит, что мировоззрение русского народа, с усвоением христианских идей, осталось по-прежнему языческим, только приняло христианскую окраску. «При всеобщей грубости нравов и отсутствии образовательных начал, говорит он, наши предки и не в состоянии были возвыситься до восприятия христианства во всей его чистоте; мысль их, опутанная сетью мифических представлений, на всякое новое приобретение налагала свои обманчивые

краски и во всяком новом образе силилась угадывать знакомые черты. Результатом этого была странное, исполненное противоречий, смешение естественной религии с откровенною: предания и мифы о древних богах переносятся на Спасителя, Богородицу и св. угодников; суеверные обычаи и чары обставляются предметами, освященными в церкви, каковы: ладан, пепел кадила, св. вода, свечи, верба и пр. (Поэт. возвр. слав, на природу III, 600).

Буслаев, говоря о влиянии христианства на народное мирозерцание, тоже приходит к мысли, что народное мировоззрение, восприняв новые черты христианские, почти осталось в старом положении, хотя он готов уже видеть народное мирозерцание христианским, только как бы стоящим на одной ступени с язычеством. В силу того, что всякая народность более или менее оказывается упругою, приходя в соприкосновение с христианством, христианские понятия во всей чистоте, говорит Буслаев, могли быть усвоены только избранными людьми, стоявшими во главе христианского просвещения. Но вея масса народная для того, чтоб сродниться с новым миром христианских понятий и преданий, должна была низвести их до уровня своего наивного понимания и способа представления. Именно этим-то самым и объясняется все нелепое и смешное в народных представлениях и рассказах. Это неминуемый результат столкновения двух противоположностей: ограниченной наивной народности и безграничных всечеловеческих стремлений христианского мира идей», (Лет. рус. литер. I т. 2 отд. 103).

Безсонов отрицает борьбу языческой славянорусской народности с христианством. Замечая с иронией, что борьба эта есть ничто иное, как борьба немецкой книги, послужившей источником для подобного воззрения с действительною русскою жизнью и здравым рассудком, он говорит, что ученые не обратили внимания на целую пропасть, лежащую между первыми началами доисторической жизни славяноруссов и позднейшим проявлением жизни исторической, что восточные славяне, пройдя тем же путем языческого веросознания, которым шли греки, были уже подготовлены к принятию христианства. Славяноруссы, по выражению Безсонова, «вносят с собою в жизнь христианскую такие мирные следы язычества, которые уживаются с христианством, просто как народность, как образ и сосуд для воплощения новых явлений бытия духовного, как слово для выражения христианских идей». (Песни Киреев. 4 вып. LXVIII-LXXV).

Иную постановку вопросу о влиянии на народную словесность и народное мировоззрение христианства, или вернее, христианско-

византийских книжных источников дают Ягич и Веселовский, к взгляду которых присоединяется и Пыпин. Если Афанасьев и Буслаев считают народный эпос национально-мифическим, даже в духовных стихах и легендах, то Ягич, Веселовский и Пыпин находят, что народный эпос в значительнейшей степени носит на себе влияние христианско-мифологических, библейско-легендарных сказаний. Двоеверия, в котором обвинялся русский народ допетровской эпохи, не признают они. Двоеверие, говорит Пыпин, было только разве в первое время, когда люди молились и новому Божеству, но не забывали поклониться и старому, – а двоеверие вашего среднего периода было просто грубое понимание христианства, свойственное всякой неразвитой массе, и какое можно в обилии встретить и по настоящую минуту. Дохристианская старина играла здесь уже второстепенную роль: ее воспоминания береглись по инерции предания, но не составляла никакого определенного и значительного элемента. Христианство вошло сильной полосой не только в нравственную жизнь народа, во и во все его мирозерцание: оно положило резкий отпечаток и на народном предании и поэзии. Это не было христианство церковное или догматическое. Последнее никогда не доходило до народа во всей полноте; оно было известно, как обряд, как официальная господствующая религия; – в народной среде христианство обставлялось своими особенными чертами, изукрашено было легендой, фантастическими образами; эти черты, между прочим, доставляло и христианское искусство, понятное народом, как и естественно, в самом буквальном, реальном и наглядном смысле. Это народное христианство было теснейшим образом связано с областью христианской средневековой легенды.

Сама церковь, говорит далее Пыпин, представители которой в те времена чаще всего делили наивное понимание своей паствы, содействовала развитию христианской мифологии приемами своей проповеди: известно, что для большего успеха обращения она намеренно связывала внешнюю христианскую практику с обычаями язычества, старалась заменить языческие божества христианскими святыми (следовательно, отчасти их приравнивая), языческие празднества церковными торжествами, – так, у балтийских славян Святовит обращался в святого Вита, у нас атрибуты Перуна очевидно перенесены на Илью пророка, Волос сменился св. Власием; в тоже время самому учению придавалось грубо-реальное применение, обрядовая сторона получала слишком большое значение, – так что за христианской внешностью легко сохранялась старая дикость нравов, и в популярном понимании новая вера

оставалась своего рода многобожием, при чем наряду со святыми являлись олицетворения христианских праздников, как «Рождество», «Покров», «св. Пятидесятница» и т. д., делались как бы личными существами.

Отвергнув следы старого язычества в народном миросозерцании, Пыпин, строго говоря, признал миросозерцание народа тоже языческим; только новоязыческим. Светлее высказывается взгляд на народное миросозерцание в трудах ученых богословов, изучавших народное мировоззрение. Так Сольский в статье «О библейском миросозерцании в жизни древне-русского народа» таким образом выясняет взаимные отношения христианских и языческих элементов в народном мировоззрении, «Следует заметить, говорит Сольский, что такое название (т. е. двоеверие) нашему народному миросозерцанию может быть усвоено только в том смысле, что оно в своем образном понимании библейских истин сочетало элементы, фантастической старины и христианского вероучения, но не потому, что оно за такими образами оставленной старины скрывало и даже отстаивало свои прежние верования.» Наши летописцы, добавляет он, не говорят о противодействии христианской проповеди, русский народ легко примирился с новым учением, ему проповеданным (Тр. Киев. дух. ак. 1878 г. ноябр. 213).

Мы привели главные, резко различающиеся, точки зрения на занимавший нас предмет. По мнению одних, как видим, мировоззрение русского народа – языческое мировоззрение, только получившее христианскую окраску; по мнению других, народное миросозерцание – христианское, но стоящее на ступени язычества; по мнению третьих, миросозерцание русского народа смесь христианства с язычеством, при чем язычество находится не во вражде с христианством, а в связи, и играет роль как бы сосуда или вместилища христианских понятий; по мнению четвертых, миросозерцание русского народа не представляет ни чистого христианства, которое покрыто тьмою нехристианских суеверий, не собственного язычества, которое стерлось под сильным наплывом христианских понятий и форм, и заслонило новыми созданиями народной фантазии; пятые, наконец, признают миросозерцание русского народа христианским, хотя с оговоркой, что в образном понимании библейских истин проглядывают элементы фантастической старины.

Мы лично, при начале своей работы, склонялись ко взгляду Афанасьева и Буслаева; но чем более изучали произведения народной словесности и вдумывались в них, тем более утверждались в мысли, что миросозерцание народное в своей основе христианское миросозерцание, хотя на этой христианской основе, как показывают народные словесные

произведения, наплетена целая паутина вымыслов.

Отвечая в своем сочинении на вопрос «влиянии церковного учения и древнерусской духовной письменности на мирозерцание русского народа и народную словесность в допетровский период, мы старались показать, что заимствовал народ из памятников древнерусской духовной письменности и как заимствовал. Сопоставление народных воззрений, выразившихся в произведениях народной словесности, с воззрениями, проводившимися в памятниках древне – русской духовной письменности наглядно показывало нам отношение народного мирозерцания к церковному учению и древнерусской духовной письменности. Мы не оставили без внимания и уцелевших в народном мирозерцании языческих представлений, указав роль, какую они играли в христианских воззрениях народа в допетровский период. Мы показывали вкратце, как языческие воззрения уступали христианским свое место, как теряли под собою почву и отходили в область мифов, и как, напротив, христианские воззрения глубже и глубже проникали в сознание народа. В вопросе о каждом предмете веры мы указывали тот пункт, до которого дошел народ в своем понимании, наметив тем, что еще следует узнать народу, до чего еще следует ему подняться.

Уцелевшие в народном мирозерцании языческие представления, нужно сознаться, много подрывают доверия к чистоте христианских воззрений русского народа. Но не нужно забывать, что народ, быв сначала язычником, не мог же сразу отрешиться от языческих понятий. Сначала народ усвоил христианские истины с тех сторон, которые были доступнее для понимания его как язычника. А затем, под влиянием духовной письменности, раскрывающей христианское учение, он со временем восходил выше и выше в своем религиозно нравственном развитии. И мы показывали в сочинении, что даже в усвоении глубоких истин христианских, трудных для понимания, народ русский дошел до высокой ступени, дающей ему полное право на звание истинного христианина. Остатки языческих представлений среди христианского мирозерцания, нужно сказать, играют ту же роль, как у каждого человека воспоминания детства. Отсюда нет достаточного резона, на основании внешнего сходства, отождествлять христианские образы с языческими и лишать первые самостоятельности в пользу последних, как это делают представители национально-мифической теории. Если Бог в некоторых словесных произведениях представляется неумолимым, деспотичным, то это не значит, что понятия народные о Боге есть по существу языческие воззрения о роке. Бог деспотично-неумолимым мог представляться народу

только на первых порах его христианской жизни. Со временем народ русский придал Богу высоконравственные черты христианские. Во множестве народных словесных произведений допетровского периода показывается отеческое отношение Бога к миру. Божественное вмешательство в человеческие дела уже действует на человека не гнетущим образом. Напротив, Бог помогает человеку, руководит им, и в тоже время постоянно дает человеку средства проявить свою волю. В словесных народных произведениях Богу приписываются вполне христианские черты всемогущества, всеведения, премудрости, справедливости, благодати, святости, какие приписываются ему и в памятниках допетровской духовной письменности. Из черт божественных, как бы в противовес року, в памятниках народной словесности особенно часто и рельефно указывается на милосердие Божие. Если, далее, в народном образе Богородицы находим черты, общие с чертами языческой богини плодородия (Лады), то это еще не значит, что в Богородице народ видит Ладу, а значит только то, что Ладу народ помнит. Когда мы ближе рассмотрим в эти два образа, то найдем, что один образ (Лады) представляет уже не целый образ с духовно-нравственной физиономией, а какие-то обрывки, между тем другой образ (Богородицы) является живым образом, полным, цельным, с ВЫСОКИМИ духовно-нравственными чертами. При этом мы увидим, что если Божия Мать представляется в народных воззрениях владычицею мира, подательницею плодов земных, покровительницею плодovitости и чадородия, то не потому, что она является Ладой с измененным именем, а потому, что в письменных духовных сказаниях о Богородице, как принявшей особенную благодать у Бога, передается бесчисленное множество чудесных деяний, совершенных Богородицею, в которых она действительно является владычицею мира, царицею неба и земли. А образ Лады, на первых порах христианской жизни русского народа, мог только помочь образованию образа Богородицы. Со временем народ усвоил столько христианских духовно-нравственных черт Пресвятой Девы, что нет уже основания сомневаться в чистоте христианского образа Богородицы. Такие обращения к Богородице, как: «Матушка-Покров, покрой сыру землю снежком, меня женижком» – не язычество, а детскость христианства, простота, наивность. Также нужно сказать и о других христианских образах, которые носят признаки, дающие некоторое право сближать их с языческими образами. Если народ признал св. Илию пророка – владыкою дождя и гроз, покровителем царства растительного и животного, борцом с вражескою силою, св. Георгия – покровителем животных, устройтелем русской земли, борцом с

нечистой силою и мучеником за веру, св. Власия, свв. Флора и Лавра, св. Модеста – покровителями животных, свв. Козьму и Дамиана – покровителями святости и ненарушимости брака, св. Николая – покровителем царства животного и земного плодородия, а также брачных уз, помощником в нужде и опасностях, особенно на море, целителем болезней и т. д., то это не значит, что указанные святые в существе старые языческие боги только с христианскими именами. Нет, св. Георгий – не Ярило, св. Власий – не Волос, св. пророк Илия – не Перун громовежец; это христианские образы. Признать первых – покровителями скота, а последнего – тучегонителем и сводителем дождя с неба дают народу жизнеописания этих святых. А сходство в имени Георгия с Ярилом, Власия с Волосом и совпадение времени празднования св. пророка Илии с временем чествования Перуна только благоприятные условия для скорейшего составления этих образов. Образы эти, как мы знаем, со временем очертились рельефно и осложнились чисто христианскими чертами. Тогда как от языческих образов Ярилы, Волоса и Перуна остались только жалкие обрывки, да и имен-то их у народа, кроме Ярилы, не осталось, а сохранились они в письменных памятниках.

Нужно сказать, что сближению языческих и христианских образов много дает оснований то, что народ на все предметы (и в частности христианские образы) смотрит с практической, с житейской стороны, останавливается настолько, насколько они представляют пользы или вреда человеку. Святых народ считает своими помощниками. И преимущественно он смотрит на святых с этой стороны. На жизни же святых (за исключением очень немногих святых) он останавливается меньше. Несведущий, слабый в борьбе с разнообразными невзгодами, он внимательно следит по житиям святых, какой святой оказывал содействие и помощь в том или другом несчастье, в той или другой болезни. И вот находит, что св. Николай Чудотворец помогает на море, на работах и в болезнях, св. Георгий, Власий и Модест берегут домашних животных, св. Екатерина помогает в муках чадорождения, св. Антипий врачует зубные боли, Киприан защищает от навождения вражеской силы, мученик Иоанн Воин помогает находить украденные вещи и т. д. Итак приписываемая народом специальная деятельность святым обуславливалась сказаниями о святых в их житиях. Народ запомнил те или другие случаи из жизни святых и, сообразно с ними, составил и очертил образы того или другого святого, придав каждому специальную деятельность. Такая специализация деятельности святых не противоречит церковному учению.

Подрывается доверие к чистоте и правильности христианских

воззрений русского народа тем также, что в народных словесных произведениях часто замечается искажение библейских фактов. Действительно, где стоит на первом плане фактическая сторона, там народ русский часто обнаруживает сбивчивые представления, что естественно, если принять в соображение, что библейские сказания переходили к народу часто в искаженном виде, будучи заимствованы из апокрифов. Но нужно добавить, что искажаемые народом библейские факты – в большинстве факты, не имеющие слишком решающего значения в деле веры. Если народ несколько неправильно представляет фактическую сторону жизни И. Христа, – Рождество Христово представляет в русской бедной обстановке; к бегству в Египет приплетает историю об аллилуиевой жене, бросившей, для спасения Христа от жидов, своего ребенка в огонь, крещение Господне рисует наподобие крещения младенцев в храме, прибавив к сему некоторые черты из евангельских сказаний о преображении и вознесении Господа, – если, повторяем, народ несколько неправильно представляет фактическую сторону жизни И. Христа, то он правильно понимает цель пришествия Спасителя на землю и значение Его заслуг. Что касается крестной заслуги Спасителя, то нужно сказать, что народом замечена почти каждая мелкая черта страданий Христовых. Народ знает и о предательстве Иуды и о прощальной беседе И. Христа, и о всех мучениях Господа: и поношении, и заушении, и распятии.

Если, далее, Бога народ представляет с внешней стороны несколько в грубых чертах, то деятельность и промысление Божие он понимает уже глубоко. Если, затем, народ обнаруживает крайнюю путаницу представлений об истории происхождения мира и первых людей, то он все-таки знает, что мир не сам как-нибудь произошел, а создан Богом. Если, наконец, говоря о загробном состоянии человека, страшном суде, райском блаженстве и адских мучениях, народ рассказывает многое такое, что не имеет достаточного основания в библейском учении, тем не менее он правильно усвоил библейское учение о том, что человек в загробной жизни должен будет отдать отчет о жизни земной и на страшном суде получить достойное возмездие. Искажение библейских фактов говорит не о языческом состоянии народа, а о его детскости в христианстве.

Излагая в своем сочинении нравственное миросозерцание русского народа, мы заметили, что оно также носит влияние духовных памятников древнерусской письменности. Исполнение множества обязанностей, которых народ не знал в язычестве, в допетровский период он считал своим долгом. Но как в нравственном учении древнерусских письменных памятников выдвигалась на первый план обрядовая сторона, так и в

нравственных воззрениях народа замечается особенное преобладание обрядовой стороны. Добро, как добро, с его внутренней, духовной стороны, не понятно для народа; оно понятно только в своих проявлениях, в форме утренней и вечерней молитвы, поста, почитания святых, милостыни и т. д. Не нужно забывать, что знакомый с правилами веры и жизни, обязательными для каждого христианина, народ понимает и правила жизни необязательные для каждого, каковы: отречение от мира и отшельническая жизнь. Как по письменным аскетическим памятникам взгляд на инока отшельника проводился самый строгий, так и по народным произведениям отличительною чертою отшельнической жизни должна быть необыкновенная суровость жизни, требующая от инока громадных духовных и нравственных сил. «Не всяк монах на ком клобук», говорит народ, а тот, кто неустанно молится день и ночь, соблюдает самый строгий пост, так сказать, «изпостился-измолился в нитку», кто отказывается от славы, почестей, богатства, удовольствий семейной жизни. Образцами иноческой жизни в словесных народных произведениях выступают Данило Игнатьевич – представитель монастырской жизни, отзывающийся молитвою на современные события, Иосаф Царевич – представитель пустынножизни, удалившийся от соблазнов мира и питающийся только колодой и болотной водой, Алексей человек Божий – представитель отшельника, живущего среди, соблазнов мира и в тоже время соблюдающего душевную и телесную чистоту.

Хотя нами замечено, что христианское нравственное учение народом усвоено, тем не менее нельзя оставить без внимания и того факта, что многое, что народ признает обязательным в теории, на практике не исполняет. В пословицах и духовных стихах народ восстает против разгула, объедения и пьянства и предписывает взамен умеренность и воздержание; но во время празднеств, (напр. масленицы) он далеко не соблюдает составленных им постановлений. Нужно сказать, что в этом случае в жизни целого народа происходит тоже явление, что и в жизни каждого человека в отдельности. (Впрочем, и сам народ не иное что-нибудь от людей, а те же люди, – собрание людей). Как у каждого человека в отдельности есть лучшие стремления, высокие цели, достижение которых составляет мечту и предмет его желаний; так и у народа есть высокие стремления, есть высокие идеалы, осуществление которых он и ставит целью своей жизни. Но как человек способен увлекаться, так и народ на пути к своей заветной цели, к осуществлению своего любимого идеала (уподобления Христу) делает не мало промахов, подвергается нередко увлечению. Так что евангельские слова «дух бодр,

плоть же немощна» настолько же относятся к каждому человеку в отдельности, как и к целому народу. Впрочем, нельзя думать, что нравственные воззрения русского народа со своей теоретической стороны расходятся с жизненной практикой народа. Нет, они дают окраску жизни народной – ими народная жизнь регулируется. А выходящее из границ этих предписаний нравственности есть только временное отклонение жизни народной от признанной нормы, – хотя, строго говоря, естественное. Как бы то ни было, но самые нравственные воззрения русского народа с своей теоретической стороны находятся в полной зависимости от церковного учения. В них тот же церковно- библейский дух, хотя и принявший национальную чисто-русскую окраску.

Нужно согласиться конечно, что христианское учение как догматическое, так и нравственное, народ русский представляет в самых кратких чертах. Пусть народ не знает христианского учения в полноте, обязательной для христианского богослова, тем не менее он усвоил его в главных чертах, понял его дух. Система христианского учения – система сложная: с глубоким смыслом и широким содержанием. Во всей своей широте она доступна только сильному и образованному уму, хотя в своих главных чертах, со стороны своего духа, доступна и такому младенцу в вере, каким являлся в древний допетровский период наш народ русский. Для нас образованных людей, знающих христианское учение в точном и ясном книжном изложении, дикими кажутся народные определения христианских понятий. Но мы забываем, что безграмотный народ, узнавший учение Христово не непосредственно, а через передачу от других лиц, и незнакомый с христианской терминологией, и не может передавать христианского учения богословско-философским языком. Народ богословскому и философскому мышлению, а равно речи богословско-философской, еще не приучен. Мышление народное и народная речь своеобразны. Народ не может мыслить отвлеченно. Он мыслит образами. Он напр. не может представить болезни, как болезни, а олицетворяет ее в виде девы трясавицы, – исцеление болезни рисует в форме отстреливания ее. Пословицы среди других словесных произведений народа конечно составляют самое отвлеченное и сжатое (в некотором роде философское) выражение мысли, но и они почти всей своею совокупностью представляют ряд удачно схваченных картин, только метко выражающих какую-нибудь отвлеченную мысль. Далее, мысля образно, народ в добавок берет образы из окружающей его среды, отчего мышление народное отличается слишком резкою обыденностью, а речь, соответствующая подобному мышлению, представляется слишком

грубою и вульгарною, с внешней стороны не совсем гармонирующею с возвышенным христианским учением, как оно представляется в библейских книгах и творениях отцев церкви. При внимательном рассмотрении народных воззрений оказывается, что народ русский понимает христианское учение, в глубоких вопросах как бы чутьем доходит до духа его, но сам от необработанности и неразвитости мышления и языка передать его не умеет. Нередко в народной передаче усвоенная, понятая народом библейская мысль является как бы другою, небиблейскою и, пожалуй, нехристианскою. Припомним, напр., пословицу: «Панкрат лезет на небо, а черт его за ногу». Мысль о том, что дьявол препятствует человеческому спасению, передается народом чуть не в комическом виде, – в такой картине, которая через-чур уж обыденна и осязательно наглядна. Мысль о том, что святые молитвенники пред Богом за людей, народ также выражает в слишком уж обыденных чертах: «молись Николе, а он Спасу скажет». Хочет народ выразить, что дьявол старается возбуждать в человеке чувственные страсти, – он говорит: «в чужую жену черт ложку меду кладет». На страшном суде, по духовным стихам, Бог так обратится к грешникам: «ох вы гой еси, люди грешные, я вас буду судить, буду спрашивать»... Особенно часты примеры своеобразной, грубо-народной передачи библейского текста в духовных стихах.

Припомним народный стих об Иосифе, как он открывается своим братьям, после того как в мешке Вениамина оказалась скрытая чаша. Братья Иосифа оправдываются.

Грозный царь Харавоне!

Такой же дурак был его брат Осип.

Така ему дураку и смерть случилась.

На это Иосиф рекомендует им как их брат.

Ай же вы старейшая большая братья!

Как бы я не дурак был, не мошенник,

Не кормил бы вас хлебом солью,

Не засыпал бы возы вам безденежно.

За что вы меня, братья, убили?

За что купщинам продавали?

Народу, как видим, показалось мало библейской картины оправдания братьев пред Иосифом, и он разукрашивает библейское сказание. Неумение народа философско-богословски мыслить и вести речь, повторяем, в значительной степени подрывает доверие к правильности и чистоте понимания им христианских истин. Но «требовать, скажем

словами Сольского, чтобы весь древнерусский народ понимал и излагал библейские, христианские истины так, как понимали и излагали его учителя и руководители, это значит требовать, чтобы он говорил и мыслил школьным языком, школьными представлениями, чтобы он прошел школу если не богословского, то, по крайней мере, христианского образования».

Во всяком случае, отрицать подлинный характер христианской религиозности русского народа в допетровский период нельзя. Правда, усвоение церковно-библейского учения совершалось в народе русском медленно, переходило множество градаций, прежде чем восходило на высоту надлежащего понимания предметов веры, но зато христианское учение ложилось в сознании народа глубоко и в самом существе проникало все народные воззрения. Памятники народного творчества, заключающие в себе духовное богатство народа, его думы, верования, убеждения и идеалы – во многих экземплярах представляют собою выражение тех или других христианских понятий народа, выражение, вполне проникнутое русским духом и вместе с тем вполне согласное с духом библейским.

Вообще ядро народных воззрений к концу допетровского периода оказывается уже христианским, но оно, так сказать, покрыто еще корой вымыслов и бредней.

В заключение своей речи мы считаем нужным остановиться еще на внешней, так сказать, стороне нашего труда.

В своем сочинении мы приступили прямо к вопросу о влиянии церковного учения и древнерусской духовной письменности на миросозерцание русского народа, не сделав предварительного обзора источников и ученой литературы своего предмета. Оставить обзор литературы по занимавшему нас предмету побудило нас следующее соображение. Занявшись критическим разбором литературы предмета, мы *volens-nolens* должны были бы вступить в ученую полемику, а полемика завела бы нас слишком далеко в сторону от намеченной нами задачи. С другой стороны, разборы как лучших произведений по данному предмету, так и всей вообще литературы и существуют уже.

Наконец, мы не можем не сделать также следующего замечания относительно своего сочинения. Когда мы приступали к своему труду, нам хотелось проследить историю религиозно – нравственного просвещения народа по векам или, по крайней мере, по периодам; хотелось, затем, показать, какие памятники древне-русской письменности оказали наибольшее влияние на народную словесность и народное миросозерцание; но задача, как убедил опыт, оказалась настолько

широкою, что мы не решились взяться за нее, отложив исследование поставленных вопросов до будущего времени, а занялись вопросом, вообще о влиянии церковного учения и древнерусской письменности на мирозерцание русского народа и народную словесность, в древний допетровский период, находя, что и этот вопрос сам по себе имеет достаточную цену.

Содержание

проф. Александр Васильевич Попов Взаимные отношения христианских и языческих элементов в народном мирозерцании профессор Алексей Васильевич Попов	1
--	---